

Молитва

Яреци Фернандез

Она теперь была нормальной девчонкой, которая хорошо училась в институте, вечерами гуляла с друзьями, приглашала их домой, а также подрабатывала уборщицей в подъезде. Ее ничто не отличало от тех людей, которые всегда в ее понимании были нормальными. Только акцент, да и иностранное имя. Она избавилась от своего прошлого, от этого периода жизни, когда она жила в Китае. Она забыла японца, но помнила, что должна ему деньги. Нужно отдать долг. Просто перевести по почте. И все. Тогда она точно будет свободна.

Октябрь подходил к концу, учеба продолжалась, с каждым днем было все интереснее учиться. Она делала большие успехи в теории, но практика ей давалась с трудом. Она пыталась правильно рисовать натюрморты, но формы предметов были искривлены, а объем не точен. Но она старалась, и преподавателям это было заметно. Максим завидовал Яреци. Ее рисунки не были идеальными, но свою мазню он считал все равно лучше. И он просил девушку о помощи, и вскоре оказалось, что она работала на него в ущерб себе.

Но она все была такой же наивной дурочкой, считающей, что мир можно сделать чуточку лучше, если не ссориться и не обижаться. И этим пользовались. А она не замечала этого.

Яреци Фернандез

Все прекрасно видели, что Максим равнодушен к своей мексиканской однокласснице, но сама девушка будто бы не замечала этого. Она вспоминала то вмешательство в его сознание и боялась, что та мысль, которую она случайно уловила, когда-нибудь осуществится. Нужно что-то делать с этим. Надо быть начеку.

Они снова рисовали натюрморт. Яреци знала, что здесь никто не обладает ментальной магией, поэтому решила сконцентрироваться на работе, нежеле на своём щите. Эта работа, которую они сейчас выполняли, должна была послужить ключиком к допуску на экзамен. И пусть сессия ещё нескоро, но это была отличная возможность получить экзамен “автоматом”. И лично она хотела всё-таки научиться рисовать натюрморты. И всё было хорошо, только вот вдруг она услышала голос. Станный, возбуждённый. Она вздрогнула и выронила карандаш. Грохот показался слишком сильным, и она почувствовала, как сильно заболела голова. Подняла с пола карандаш и зажмурилась. Голос стал сильнее, он слышался отчётливо, будто кто-то стоял совсем рядом и говорил это. Она открыла глаза и уловила пристальный взгляд Максима и побледнела. Вернулась к занятию, понимая, что этот назойливый голос был всего лишь мыслью Максима. *Она божественно красива.*

Ее мозг будто пронзила стрела. Острая и тонкая, будто причиняющая сильную боль. До нее дошло, что парень думает именно о ней. Ни о натюрморте, ни о вишенке, лежащей рядом с яблоком, ни о чем-то другом. По спине прошелся холодок, пальцы рук похолодели. Голова сильно заболела, и она зажмурилась. Почему же она такая дура? Почему она сразу не поняла, что может быть что-то неправильное? Как быть?

Яреци Фернандез

Соблазн читать его мысли был очень велик, но она постоянно останавливала себя. Нельзя это делать, не этому ее учили в китайском монастыре. Может просто жить и делать вид, что ничего не происходит? Довериться течению реки жизни? А может попробовать заглянуть в будущее и узнать, что ждет ее? Нет, она совершенно не хочет знать, что ждет ее в будущем. Определенно, нет.

Родителям понравился Максим, он, в отличие от Паши, хоть что-то умел и делал. Парень был счастлив, чего нельзя было сказать о девушке. Максиму нравилась ее квартира, ему вообще нравилось все, что было связано с ней. Он был очень милый, добрый, внимательный. Вот только в мыслях было одно и то же. Он хотел с ней переспать.

... За окном шел дождь. Преподавательница истории рассказывала про Верещагина и период его жизни в Японии. Яреци записывала всё, не отвлекаясь на посторонние мысли и держала ментальный щит. После случайного прочтения мыслей Максима на занятии по живописи, она решила удержанию ментального щита уделять немного больше времени и сил, нежели всему остальному. А еще она понимала, что ей постепенно открывается очень много возможностей, будь то просто чтение мыслей и даже внушение. Она хотела что-то внушить Максиму, но не могла понять, как это делать. Может это делается так же, как чтение мыслей или мыслеречь. Она всё это делала на автомате, не думая, как это делается. Вот только что бы такое внушить ему, чтобы это оказалось какое-то незначительное?

Яреци Фернандез

Она конспектировала лекцию и старалась хотя бы понимать, что именно конспектирует. Это была интересная тема как с точки зрения истории, так и с точки зрения искусства. Работы Василия Верещаина представлены в Третьяковской галерее, и девушка, посещая этот музей, всегда много времени уделяла осмотру его работ. И самая знаменитая вещь, "Апофеоз войны", ей совсем не нравилась. Хотя эта работа была признана всеми знаменитыми художественными критиками как "работа, полностью отражающая ужас войны".

- Кто-нибудь знает, как именно погиб Василий Васильевич? - преподавательница закончила свой рассказ и обратилась к скучающей аудитории. Яреци подняла руку. - Я знаю, что ты знаешь, но хочу послушать ещё кого-то.
- Он подорвался на mine, - сказал Максим.
- А конкретнее?

Яреци видела, как её друзья пренебрежительно относятся к женщине-историку. Такое бывает, что все просто ненавидят преподавателя, чуть не пишут на него докладные, устраивают бунт, а тут появляется один студент, который не хочет мириться с этим. И всей группе приходится ходить на занятие, так как потом могут возникнуть проблемы. А у них этот предмет один из основных, он будет идти три года, и по нему всегда надо сдавать экзамен. Радовало только, что вот эта преподавательница будет у них только до сессии вести, а потом они пойдут к другому преподу.

- В 1904 году Верецагин был на корабле "Петропавловск". В конце марта этот корабль был взорван японцами. Спаслись десять человек, среди них не было ни адмирала Макарова, ни художника Василия Верецагина. Чудом уцелевший матрос сказал, что за несколько секунд до взрыва видел, как Верецагин снова делает заметки в своем блокноте...

- Молодец, Яреци, - похвалила девушку преподавательница. - На следующем занятии будет коллоквиум. Те, кто его сдадут, будут допущены до экзамена. А сейчас свободны.

Яреци любила учиться, поэтому она не думала, что у неё начнутся какие-то проблемы. На коллоквиуме она помогала Максиму и ещё нескольким своим друзьям, но не успела сама подготовиться. И стала одной из немногих, кого не допустили до экзамена. А получить хорошую оценку не с первого раза у этой преподавательницы было очень тяжело. Яреци была в шоке, но ничего не могла поделать...

Яреци Фернандез

Она сидела в своей пустой квартире и не знала, что ей делать теперь. Если она не получит допуск к экзамену, то не сдаст сессию и вылетит из института. Что тогда ей делать? Чем заниматься? Ведь это была её мечта, она столько сил и нервов потратила, чтобы поступить сюда, она стала нормальной девчонкой, которая гуляет и учится. У неё появились друзья, у неё появился Максим. Она помогала ему учиться, так как думала, что это ему нужно. Такое уже было однажды, она помогала Паше, а потом пришла Люда, и она поняла, что Паше ничего этого не было нужно. Но тогда она не ходила на всякие дискотеки, не гуляла по вечерам с одноклассниками, а теперь она и ходит на дискотеки, и гуляет с друзьями. И старается помогать всем. Может помогать не стоит?

Взгляд случайно упал на маленький кусочек листика, валяющийся под креслом, и она взяла его. Там был нарисован кусок глаза, и она сначала хотела выкинуть его, посчитав мусором, но в последний момент остановилась. Задержала взгляд на огрызке бумаги и вздрогнула, будто её тело пронзила острая катана. Этот глаз на клочке бумаги принадлежал человеку, благодаря которому она попала в этот институт. Человеку, который долгое время, пока она жила в монастыре, занимал её мысли, но которого она забыла, решив, что нынешняя жизнь является правильной. Тору Мотидзуки, японец, оказавшийся в Китае; путник, который никак не может найти свой путь и вынужденный скитаться. Он сделал для неё слишком много, а она вместо благодарности забыла о нём. Что он делает? Что с ним сейчас? Где он?

Яреци Фернандез

... Закончился октябрь, его место занял ноябрь, и почти ничего не поменялось. Только ночи стали длиннее, а дни короче. Она тщетно пыталась пересдать это коллоквиум, но всё также помогала Максиму, думая, что он её любит. И почему-то она стала хуже учиться. Она просто не успевала что-то делать для себя. Она больше не лазила в его мысли, но теперь, однажды гуляя с ним, решила посмотреть, что он думает о ней. Снова синие нити энергии потянулись к его сознанию. *Эта дура думает, что нравится мне. Господи, когда же она отстанет от меня. Но ничего, я попользуюсь ею, а потом скажу, что она мне надоела. Главное,*

что меня не вышвырнут из института. Яреци мотнула головой, по спине прошёлся противный холодок.

Она отошла от Максима на шаг. Максим удивленно посмотрел на неё и подошел к ней ближе. Взял за руку и нежно прижал к себе, когда она пошатнулась. На секунду она вспомнила, как ее прижимал к себе Тору, когда она чуть не упала в обморок из-за проблем с билетами. Руки у Макса были грубые, и она отстранилась от него. С ним было не так приятно находиться вместе, нежели когда-то с японцем. С Торой было спокойно. Максим что-то ей говорил, но она не вслушивалась в его слова, думая, что нужно делать. В мозгу возникла одна мысль, она хотела попытаться ему что-то внушить и посмотреть на его реакцию. Вряд ли он поймёт, что это сделала она, и почему-то сейчас ей показалось, что в этом поступке не будет ничего страшного и неправильного. Он вынудил её так поступить.

Она посмотрела в его глаза и снова направила синие нити энергии в сознание Максима. Только теперь в этих нитях была очень важная для девушки и совсем незначительная для самого Макса мысль - *начать учиться самому*. Нити коснулись незащищённого сознания парня, и на девушку бурным потоком нахлынули разные его мысли, причиняя душевную боль. Но в своём решении Яреци была настойчива. Она подчиняет сознание своей воле и передаёт внушаемую мысль. Тонкие ментальные нити опутывают его сознание...

Яреци Фернандез

Максим странно посмотрел на девушку, отстранился от неё и отвернулся. Снова продолжил свой путь, а девушка мотнула головой и зажмурилась от сильного приступа головной боли. Из носа пошла кровь, и она стёрла её платком. Она не знала, правильно ли она сделала, смогла ли ему внушить мысль, или у неё ничего не получилось. Он просто шёл, не обращал на неё внимания и не вспоминал о ней.

Он проводил её до дома и ушёл, не попрощавшись. А девушка легла спать. На следующий день на занятии Максим сам всё делал, не просил её о помощи, и она была счастлива - она надеялась, что что-то получилось, что она внушила ему, что нужно учиться.

Она смогла сдать коллоквиум по истории, и это было очень тяжело, но теперь у неё был допуск к экзамену, и она была рада. Теперь она, правда, снова сидела дома и училась, перестала общаться с ребятами, зарывшись в учебники и краски. И как-то раз она вспомнила слова японца, почему значение её имени ей подходит. Она действительно сидит в своей раковине, если её что-то пугает. И сейчас она снова вернулась в раковину. Слишком долгое время она была на воле...

Яреци Фернандез

Сегодня шёл дождь. Выпавший вчера снег растаял под тяжёлыми ледяными каплями дождя, но девушка не замечала ни пронизывающего холодного ветра, ни летящих в лицо дождевых капель. Она шла по улице и не знала, что ей теперь делать. Она должна забыть. Пашу она уже почти забыла, его образ стёрся из памяти, оставались только какие-то особые моменты. Образ мистера Мотидзуки постепенно всплывал в памяти, и это причиняло ей невыносимую боль. Он был слишком ярким, настолько, что даже Максим блекнул на его фоне. Ей это совсем не

нравилось, и она не знала, что делать. Она боялась сделать что-то не так.

Она остановилась около католического храма. Вошла на территорию и поднялась по ступенькам. С лёгкостью открыла массивную дубовую дверь и вошла внутрь. Все звуки будто исчезли, стало теплее, на окнах были витражи с иллюстрациями библейских сюжетов. Вот Авраам пасёт овец, вот Ной строит свой ковчег, вот вокруг дерева вьется змей. На душе стало беспокойно, и она решила помолиться.

Она вспоминала всё. О влюблённости в Пашу, о Максиме, к которому, как оказалось, она не испытывала никаких чувств. Он ей напоминал Пашу, но он не мог заменить ей мистера Мотидзуки. Потому что это разные чувства... всё это было ребячеством, вся эта влюбленность в мальчиков. Вся эта помощь и доброта, которой они пользовались, было всего лишь идиотизмом. Она, наверное, должна будет стать черствой и холодной? Нет, она не хочет терять то небольшое прекрасное в душе. Она боялась, что может сорваться и прочесть чьи-то еще мысли. Но она поняла, что никогда не сможет прочесть его мысли. Не сможет вторгнуться в его сознание, в его душу. Она уважает его личное пространство, она ценит его участие в её судьбе... По щекам текли слёзы, но ей показалось, что после молитвы стало немного легче, и она покинула Божий дом...

А вечером она гуляла по торговому центру и купила себе боевой веер...
